

Вот уже более века каждый русский человек, каждое русское сердце замирает при первых звуках удивительной песни: “Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает. Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”, пощады никто не желает...” Песня эта была написана в связи с событиями Русско-японской войны 1904–1905 гг. и рассказывает о подвиге экипажей русского крейсера “Варяг” и канонерской лодки “Кореец”, находившихся к началу войны на рейде корейского порта Чемульпо (ныне Инчхон) и атакованных там японской эскадрой в составе 6 крейсеров и 8 миноносцев. Русские моряки приняли неравный бой и, подбив несколько японских кораблей, вынуждены были уничтожить свои корабли, чтобы не сдать врагу. Весть об этом подвиге обошла весь мир, а песня, написанная на стихи австрийского поэта Рудольфа Грейнца в переводе русской поэтессы Евгении Студенской, стала неофициальным русским военно-морским гимном. Валерий Сергеевич Новиков, капитан I ранга в отставке, собрал обширный материал о событиях и людях той поры. Мы публикуем в сокращении его интереснейшую работу.

ВАЛЕРИЙ НОВИКОВ

“ВАРЯГ” — ЛЮДИ, СУДЬБЫ, ПЕСНЯ

К 110-летию подвига русских моряков

*Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят вдали
Геройскую гибель “Варяга”!
Р. Грейнец, перевод Е. Студенской*

В 9:30 утра 27 января (9 февраля по новому стилю) командиру крейсера “Варяг” капитану I ранга Всеволоду Фёдоровичу Рудневу был вручён ультиматум командующего японской эскадрой контр-адмирала Уриу, предлагавшего русским сдать. Руднев принял решение идти на прорыв.

В 10:15 в кают-компании “Варяга” офицеры крейсера единодушно поддержали решение командира. Так же решили офицеры канонерской лодки “Кореец” под командованием капитана II ранга Г. П. Беляева.

10:40 — на русских кораблях команды ПЕРЕОДЕВАЮТСЯ В ЧИСТОЕ.

11:00 — аврал, построение, речь командира: “. . . Безусловно, мы идём на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы она сильна ни была. Мы не сдадим ни крейсер, ни самих себя, сражаясь до последней возможности и капли крови. Помолимся Богу перед походом и с твёрдой Верой в милосердие Божие, пойдём в бой за Веру, Царя и Отечество. Ура!”

Корабельный священник о. Михаил (Руднев) прочёл молитву “За дарование победы”, музыка играла несколько раз гимн (нештатный оркестр — 23 человека).

11:10 – “Все наверх, с якоря сниматься”, больные из корабельных лазаретов русских кораблей спешно двинулись на свои боевые посты, вольнонаёмные (буфетчики, коки, музыканты) отказались съехать на берег.

Уважаемый читатель! Поверь, это не из романа, всё это из вахтенных журналов наших кораблей.

А теперь кратко о соотношении сил сторон. Против двух русских кораблей водоизмещением 8400 тонн стояли 6 крейсеров (в том числе два броненосные “Асама” и “Чиода”), 8 миноносцев и авизо “Чихайя” – всего 28 516 тонн водоизмещения; по мощности механизмов – против 15 718 л. с. русских 95 300 л. с. японских; по артиллерии – против 52 русских стволов – 182 японских; по торпедному вооружению – на 7 аппаратов русских кораблей приходилось 43 японских. 726 моряков Российского Императорского флота бестрепетно шли навстречу 2680 воинам микадо. Это как пример “превосходства” самурайского духа, кодекса “Бусидо” над нашим “сермяжным” русским.

11:20 – “Варяг” и “Кореец” снялись с якорей и двинулись к выходу с рейда, на иностранных кораблях, стоявших на рейде, команды и караулы во фронте кричали русским “Ура!”, на итальянском играли Российский гимн. “Варяг” отвечал всем их национальными гимнами, с корейского берега неслись прощальные крики – все понимали, РУССКИЕ ИДУТ НА СМЕРТЬ.

11:25 – на русских кораблях пробили боевую тревогу.

11:40 – на “Наниве” подняли флажный сигнал с предложением сдаться, на русских – на гафелях и стеньгах Андреевские флаги, на реях – красные “НАШ”, то есть “открыть артиллерийский огонь”.

11:45 – флагманский японец “Асама” открыл огонь, “Варяг” начал отвечать в 11:47.

Стрельба и маневрирование длились до 12:45. При этом японцы довольно свободно могли маневрировать на широком плёсе, а русским пришлось, почти на ощупь, двигаться извилистым фарватером, изобилующим отмелями, островами и хаотичными и сильными течениями. Вот что написали иностранцы о происходящем. Неаполитанская “Моттино”: “Семь громадных колоссов, точно собачья свора, преследовали два русских судна... началась буря ударов. Страшный перекрёстный огонь... борты, палуба, мостики “Варяга” были поражаемы выстрелами, как градом, красавец корабль исчез в облаках дыма, чтобы через некоторое время появиться почерневшим”.

В первые минуты боя на мостике “Варяга” был убит мичман граф Нирод и два матроса, уничтожен дальномерный пост. Сосредоточенным огнём японских кораблей сорвана штурманская рубка, “выкашивается” оружейная прислуга, выводятся из строя орудия, разбиваются дымовые трубы. Вскоре разгорается пожар на шканцах, появляются пробоины в бортах. И всё это при медленном, “на ощупь” движении наших кораблей по “коридору смерти” между камней и отмелей.

Газета “Монитёр де ла Флотте” (№ 8 от 7/20 февраля 1904 г.) сообщала: “На палубе русских судов сцены происходили невыразимо страшные. Падавшие боевые снаряды разрывались, жгли и разрывали людей на части. Треск оглушительный, а люди, посреди этого кровавого побоища, продолжали прицеливаться, маневрировать и ДЕЙСТВОВАТЬ КАК НА УЧЕНИИ”.

В отличие от нынешних наших доморощенных создателей “Саг”, “Штрафбатов”, “Рот”, “Адмиралов” и прочих “Сволочей” – этим журналистам можно верить, они ТАМ БЫЛИ, да и нравы в творческой среде сто лет назад были иные.

В 12:05, пройдя траверз острова Иодольми, “Варяг” получает повреждение рулевых приводов (руль заклинило), ранен командир, рядом с ним убиты штаб-горнист Николай Нагле и барабанщик Донат Карнеев, тяжёлые ранения получают рулевой Снигирёв и командирский ординарец квартирмейстер Чибисов.

Машинисты и кочегары, задыхаясь в дыму и копоти из перебитых дымовых и вентиляционных труб, продолжают давать ход и энергию сражающемуся кораблю. Из-за пробоины левого борта затоплено третье котельное отделение и угольные ямы. Старший офицер крейсера капитан II ранга В. В. Степанов со старшим боцманом А. Харьковским под огнём противника (дистанция 28–30 кабельтовых) заводят пластырь.

И тут на помощь старшему собрату приходит “Кореец”. Прикрывая израненный “Варяг”, комендоры канонерской лодки сумели крепко потрепать

японцев, на коротких дистанциях его правое 203-мм и кормовое 152-мм орудия сумели поразить, вывести из строя один из крейсеров японцев (он вышел из боя) и уничтожить один миноносец.

По завершении поворота в бой вступают ещё не стрелявшие орудия левого борта “Варяг”, вскоре старший комендор орудия № 12 Ф. Елизаров добивается попадания в кормовую часть японского флагмана “Асамы”, горит кормовой мостик, замолкла его кормовая башня. Но и положение русских стало безвыходным, их боевая способность приблизилась к нулевой.

Обгоревшие, с разрушенными надстройками, с постоянно увеличивающимся креном, русские корабли медленно втягиваются на внутренний рейд Чемульпо. В 13:15 корабли стали на свои прежние якорные места. Прибывший на “Варяг” командир французского крейсера “Паскаль” капитан II ранга Виктор Сэнес докладывал своему начальству: “Палуба залита кровью, всюду валяются трупы и части тел... все жизненные части пробиты, борта и койки обгорели. Все 47-мм орудия (8 установок) выведены из строя, восемь из двенадцати 152-мм орудий сбиты, так же как и семь из двенадцати 75-мм. Стальные шлюпки совершенно прострелены, палуба пробита во многих местах, кают-компания и командирское помещение разрушены. Дым шёл из всех отверстий на корме, и крен на левый борт всё увеличивался”.

Француз не знал ещё и о четырёх обнаруженных подводных пробоинах, о том, что почти все водоотливные средства выведены из строя, а некоторые котлы сошли с фундаментов.

Потери личного состава были ужасающи: из 22 офицеров один убит и 7 ранены, в том числе командир, то есть убыль равна 36%; из 535 нижних чинов – 31 убит, более 180 ранено – убыль около 22%. Причём на верхней палубе, то есть среди орудийной прислуги и строевых, процент потерь был вообще катастрофичен – 45%.

И опять-таки свидетельство иностранцев – английская “Дейли Мейл” сообщила: “Сцены, происходившие при свозе раненых, совершенно неопишуты по своему ужасу. Большая часть раненых имела по несколько повреждений. Между людьми господствовал ПОЛНЫЙ ПОРЯДОК”.

В 13:50 Руднев, вернувшись с английского крейсера “Тэлбот”, где он доложил старшему на рейде о намерении уничтожить русские корабли за их полной непригодностью, созвал военный совет. На нём офицеры единодушно решили потопить крейсер. Офицеры “Корейца” решили свой корабль взорвать. “Варяг” взрывать не стали из-за опасения “нейтралов” получить повреждения от взрыва. Увести корабль в более удалённое место или на место с большими глубинами буксирами не представлялось технически возможным ещё и за отсутствием времени – Уриу в 16:00 должен был атаковать русских уже на внутреннем рейде.

15:45 – взрыв тысячи пудов пороха расколол “Корейца” на три части и поднял их в воздух. “В то время, когда смолкал грохот взрыва, слышалось пение русского национального гимна” – “Монитор дела Флоте” в № 8 от 7/20 февраля 1904 года.

17:30 – команда покинула “Варяг”, механики с хозяевами отсеков открыли клапана и кингстоны и тоже покинули крейсер.

17:50 – “Командир со старшим боцманом, удостоверившись ещё раз, что все люди покинули крейсер, отвалили от него на французском катере”.

Ну, а дальше? Дальше, как всегда, бюрократическая волокита российского МИДа, попытки японских оккупационных властей перевести русских моряков в статус военнопленных, и... долгая дорога домой на “попутках”. А вот дома русских моряков ждала заслуженная слава.

Царские милости были безмерны, офицеры получили “Георгиев”, “Владимиров”, “Станиславов” и “Анн” с мечами и бантами. Командир произведён во флигель-адъютанты и назначен с повышением. Впервые в истории Российского флота орденами св. Георгия были награждены механики и врачи, а корабельный священник о. Михаил (Руднев) был удостоен наперсного креста на Георгиевской ленте. Нижние чины получили знаки отличия Военного ордена 4-й степени. Уже в июне были изготовлены специальные серебряные медали (697 шт.), а в июле-августе вручены каждому участнику боя. От ведомств, фирм, общественных организаций им преподнесли самые разные дорогие сувениры: серебряные подносы и солонки, ковши и братины. В Москве офицерам вручали золотые, унтер-офицерам серебряные, матросам бронзовые

с серебрением жетоны. Городской голова Санкт-Петербурга Лелянов вручил нижним чинам часы. В обращение вышла 50-рублевая золотая монета, посвящённая подвигу “Варяга”.

На обеде в Зимнем дворце 16 апреля с моряками участвовала вся царская семья. Царь с императрицей перед обедом молились на коленях, матросы кушали с серебра, император обошёл ВСЕХ матросов с бокалом, с некоторыми беседовал. В Концертном зале Зимнего царская семья обедала с офицерами, а затем “император и императрица долго, непринужденно беседовали с офицерами”. Во второй половине дня геройские экипажи были приглашены в Народный дом императора Николая II. По окончании торжественного заседания городского общественного управления (гордума) и вручения памятных адресов и подарков моряки с участием императрицы Марии Федоровны, цесаревича Алексея и великих княгини посмотрели спектакль “Пётр Великий”. Далее последовал торжественный обед, где великие княгини вручали морякам подарки.

Подвиг “Варяга” был повторён. 10 марта эсминец “Стерегущий” (командир – лейтенант Сергеев), возвращавшийся из разведки от островов Элиот в Порт-Артур, был перехвачен четырьмя японскими эсминцами. В течение часа он вёл бой с превосходящим противником, подбил двух японцев, лишился хода, получил несколько пробоин, в том числе подводных. Из команды в живых осталось лишь несколько матросов и, когда десантная партия японцев пыталась взять “Стерегущий” на буксир, матросы И. Бухарев и В. Новиков, задраившись в машинном отделении, открыли кингстоны и затопили корабль вместе с собой. . . “Погибаю, но не сдаюсь” – под таким девизом бился 13 апреля у Порт-Артура с ШЕСТЬЮ миноносцами наш эсминец “Страшный”. Потеряв всех офицеров и командира – капитана II ранга Юрасовского, а также три четверти экипажа, русские не спустили флаг. Из 57 человек команды подошедший на выручку крейсер “Баян” поднял с воды 5 матросов. . . Имена командиров “Стрежущего” и “Страшного” были присвоены новым кораблям Российского флота (которые они носили до 1918 г.).

В России и за рубежом разрастался шквал публикаций, большинство которых принадлежало перу дилетантов. Рождались самые разные мифологемы лубочного характера, многотысячными тиражами издавались почтовые открытки и тому подобная печатная продукция. Множество известных и совсем неизвестных поэтов и композиторов сочиняли и исполняли свои произведения. Отметился на этом поприще и прославленный Цезарь Кюи с песней “Варяг” идёт свершить свой подвиг славный”. Успех Кюи был довольно значителен, несмотря на то, что произведение создавалось по заказу, а автором стихов предположительно был Великий князь Константин Константинович.

17 февраля 1904 года в газете “Русь” появились стихи Я. Репнинского “Варяг” или, как многие знают по первой строчке – “Плещут холодные волны”. Вскоре студент Юрьевского университета Ф. Богородский написал музыку (в ритме марша). Практически одновременно свой вариант, совершенно не ведая о первом, сочинил профессиональный композитор В. Беневский, но уже для хорового исполнения (трёхдольный размер для каждого куплета). Второе столетие эта песня живет в народе в маршевой обработке А. Александрова, и хоровой А. Свешникова.

*Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской...
Носятся чайки над морем,
Крики их полны тоской...*

.....
*Мы пред врагом не спустили
Славный Андреевский флаг,
Сами взорвали “Корейца”
И потопили “Варяг”!..*

Всего же до 1917 года в России о подвиге “Варяга” было опубликовано свыше ста поэтических произведений, начиная с четырёхстрочных посвящений и кончая поэтическими былинами.

Однако непревзойдённой стала песня “Наверх вы, товарищи. . .”. Её поют ВСЕ и ВСЕГДА! – Особенно в тяжкую минуту – и в отсеках аварийных

субмарин, и в окопах, и в космосе, и на плацу на парадах, и у могил, прощаясь с боевыми товарищами, её поют боельщики на стадионах, эски в лагерях – ВСЕ РУССКИЕ помнят хоть несколько строчек этой песни – гимна, песни-клятвы, песни-призыва. Именно благодаря ей сегодня в России знают, что у неё был ФЛОТ, что русские должны “стоять по местам”, что они “не сдаются” и “пощады не желают”, и готовы за Родину, за “славу русского флага” умереть.

К сожалению, ни флотские историки, ни музыковеды, ни начальники от культуры до сих пор толком не знают (автор в этом убедился в ходе собственных исследований) об авторстве стихов этой уникальной песни. Кратко же история её создания выглядит так. По версии общественных исследователей, впервые стихи австрийского поэта Рудольфа Грейнца “Der “Wariag”” были опубликованы в немецком журнале “Jugend” (“Юность”) 25 февраля 1904 г. В России они вначале были перепечатаны журналом “Море и жизнь”. По общему признанию, перевод Евгении Студенской в “Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки” № 4 за 1904 год оказался более удачным, более “русским”, нежели дословный перевод Н. Мельникова, опубликованный в журнале “Море и жизнь”. Приведём несколько строчек из дословного перевода:

*На палубу, товарищи, все на палубу!
Наверх для последнего парада!
Гордый “Варяг” не сдаётся,
Нам не нужна пощада!*

*На мачтах пёстрые вымпелы кверху,
Звенящие якоря подняты,
В бурной спешке к бою готовы
Блестящие орудия!..*

И сравним с поэтическим переводом Евгении Студенской:

*Наверх вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает.
Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”,
Пощады никто не желает.*

*Все вымпелы вьются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимают,
Готовые к бою орудия в ряд
На солнце злоеще сверкают...*

Именно перевод Студенской и стал нашим военно-морским гимном. С автором музыки вообще полная неразбериха. Самый дотошный исследователь этой проблемы А. Шилов остановился на нескольких вариантах, авторами могли быть: А. С. Турищев – музыкант 12-го гренадерского Астраханского полка, участвовавший в апрельских встречах варяжцев в Москве, а также И. Н. Яковлев и И. М. Корносеви́ч, чьи фамилии он встречал на нотных изданиях начала прошлого века. Единого мнения не существует, а посему главный российский историк “Варяга” В. И. Катаев предполагает, что все вышеназванные могли быть, в некотором роде, соавторами. Что ж, такие случаи и сегодня не редкость, ведь оспаривают некоторые творцы и полстрочки и полторы ноты.

А вот мы обязаны **помнить и вечно чтить “забытого” морского офицера, первого командира “Варяга” Владимира Иосифовича Бэра. Тем, чем стал “Варяг” в бою, он обязан своему первому командиру.** Это он, спустя три недели после официальной закладки крейсера (10 мая 1899 г.) на заводе “Вильям Крамп и сыновья”, прибыл в Филадельфию (США) и приступил к достройке-приёмке крейсера. 16 мая 1900 г., имея на борту, кроме американских рабочих и инженеров, всего лишь 51 человек собственной команды, капитан I ранга В. И. Бэр вывел корабль на первые ходовые испытания. К декабрю численность экипажа приблизилась к штатной, личный состав 6 декабря перешёл на корабль и приступил к приёмке с одновременным продолжением испытаний в условиях вечных дряг с подрядчиком.

22 сентября 1901 года стало официальной датой сдачи крейсера. 20 марта – 3 мая “Варяг” совершил переход из Филадельфии в Кронштадт, исправив на ходу множество поломок. Пройдя двукратное докование и установив необходимое радио- и телефонное оборудование, 1 августа крейсер успешно прошёл императорский смотр. Почти сразу же, 5 августа в составе отряда из 5 кораблей В. И. Бэр повёл корабль на Тихий океан. Сколько и какие задачи пришлось решать “Варягу” в этом походе, в каких очень сложных условиях проходило плавание, написано изрядно в специальной литературе.

Автор имел честь в 1983–84 гг. пройти почти тем же маршрутом. Шёл я на новом ракетном эсминце с газотурбинными двигателями, общекорабельной системой климат-контроля, с опреснителем производительностью 3 тонны в сутки (на экипаж в 195 чел.). Но мне трудно даже представить жизнь и быт полутысячного экипажа “Варяга”, не имевшего всех этих удобств, сто лет назад на этом маршруте.

После захода для ремонта в арабские султанаты, Карачи, Коломбо, Сингапур, Гонконг и Нагасаки, 25 февраля 1902 г. “Варяг” вошёл на рейд Порт-Артура. И практически без передышки закрутилась боевая подготовка, начиная от тренировок отдельных постов, учений по подразделениям, так и общекорабельных и в составе эскадры. Об интенсивности боевой учёбы говорят цифры “Вахтенного журнала” – до 50-ти за сутки. 1 мая 1902 г. крейсер вступил в кампанию. 28 февраля 1903 г. начальник Тихоокеанской эскадры вице-адмирал О. В. Старк по результатам инспекторского смотра оценил содержание и уровень боевой подготовки “Варяга” как вполне удовлетворительный. И уже 1 марта В. И. Бэр передал командование кораблём капитану I ранга Рудневу В. Ф., а сам получил назначение на новейший эскадренный броненосец “Ослябя”, который строился в Санкт-Петербурге.

В. И. Бэр родился в 1853 г. (точной даты, места рождения и родителей пока установить не удалось). После окончания Владимирского кадетского училища в Киеве в 1875 году закончил Морской корпус (на два года позже Руднева). Совершил несколько заграничных плаваний, в том числе кругосветных, последовательно командовал минным крейсером “Лейтенант Ильин”, мореходной канонерской лодкой “Храбрый”. Погиб 27 мая 1905 г., командуя броненосцем “Ослябя” в Цусимском сражении. До этого 23 мая после длительной болезни скончался второй флагман II Тихоокеанской эскадры контр-адмирал Д. Г. Фелькерзам, державший свой флаг на “Ослябе”, но командующий эскадрой З. П. Рожественский приказал скрыть сей факт.

“Ослябя” сразу же после начала боя попал под сосредоточенный огонь **шести броненосных крейсеров** японцев, имея колоссальные разрушения, он через 30 минут “вывалился” из боевого строя и ещё через 30 минут перевернулся и затонул. Последние минуты “Осляби”: “Командир Бэр, несмотря на разгорающийся вокруг него пожар, не покидал своего мостика. Для всех стало ясно, что он решил погибнуть вместе с кораблём. Казалось, все его заботы теперь были направлены только к тому, чтобы правильно спаслись его подчинённые. Держась руками за тентовую стойку, почти повиснув на ней, он командовал, стараясь перекричать вопли других: “Дальше от бортов! Чёрт возьми, вас затянет водоворотом! Дальше отплывайте!”

В этот момент, перед лицом смерти, он был великолепен.

Броненосец перевернулся вверх килем и, задирая корму, начал погружаться в море” (см. Джон Н. Вествуд Свидетели Цусимы. М., “Яуза”, 2005, с. 253).

Цитируемый труд принадлежит перу авторитетного британского военно-морского историка и очень тонкого знатока теории и практики военно-морского строительства. Более 30-ти российских источников и 17 иностранных источников – с 1904 г. по 1958 г. – лежат в основе его исследования. Сегодня это наиболее компетентный и объективный взгляд на трагедию Цусимы и, как это ни странно для англичанина, **в защиту нашего оболганного и оплётанного русского флота.**

В. И. Бэр имел награды: орден св. Владимира 4-й степени с бантом, св. Анны 2-й степени, св. Станислава 2-й степени. Других сведений об этом замечательном офицере найти не удалось. **Своё достойное место в истории флота и “Варяга” его первый командир должен иметь по праву!** Его подопытки могут гордиться им, а русские моряки помнить и подражать. Без него не было бы того “Варяга”, о котором поются песни второе столетие.